

Мужество его человечности

В прошлом году ушли в мир иной два главных человека в моей жизни. 28 апреля отошёл к Господу мой отец Николай Яковлевич Седогин, ветеран Великой Отечественной войны, не дожив один месяц до своего 88-летия. А 10 декабря на 92-м году жизни ушёл в лучший мир мой литинститутский учитель Михаил Петрович Лобанов. Две опоры отлетели, и я почувствовал сиротство.

Михаил Лобанов, как один из последних столпов русской литературы, должен был упасть, как падает в лесу вековое дерево-великан, с шумом и треском — так, чтобы содрогнулось всё пространство. Но, по свидетельству жены Татьяны Николаевны, он ушёл из жизни, как христианин, тихо, трижды причастившись Святых Христовых Тайн, пособоровавшись и получив по молитвам церкви кончину «безболезненную, непостыдную, мирную». Михаил Лобанов умер в Боге, которому он верил и которым жил всю свою жизнь, исполнив две главные заповеди — любви к Богу и человеку.

Однако масштаб его личности ещё предстоит оценить на фоне современной обмельчавшей литературы, которая заботится не о благодатном влиянии на сознание народа, а о самой себе в угоду низким, страстным проявлениям человеческой природы, культивируя пошлость, вульгарность, цинизм.

Для Михаила Петровича русская литература никогда не вмещалась в рамки искусства, она выходила к проповеди, делалась учительницей и наставницей народа. Он был одним из последних литераторов, мыслителей, которые продолжали верить в непреходящую силу художественного слова. И ему было, видимо, тяжело наблюдать, как вытесняется живое литературное слово, имевшее огромное влияние на общество в полемике 60-70-х годов, и заменяется телевизионной индустрией и новыми технологиями для манипуляции сознанием людей. Как-то на одном из семинаров в Литературном институте в конце 80-х, он говорил, приведя тогдашнюю статистику, что на 300 тысяч человек в нашей стране приходится один писатель. Этого, по его мнению, было очень мало!

Литература связана с мышлением людей, утверждал Михаил Петрович, и очень важно, чтобы по-настоящему русских писателей было больше. Он много говорил о правде, что она в литературе выжигает вокруг себя всё фальшивое, ложное, искусственное. Для Лобанова самым важным на семинарах прозы в стенах Литературного института, где он прослужил профессором более 50 лет, было не ремесло писателя и освоение приёмов письма, а личность самого автора, возрастание его духа, те смыслы, которые и рожают настоящую литературу. Личностью можно назвать только того человека, который переживает, считал Михаил Петрович.

Я помню, как Лобанов рассказывал о посещении деревни Иншаково, своей родины в Рязанской области, как на него в местном сельсовете произвёл глубокое впечатление простой крестьянин, истопник, изучающий по книге электрическое дело.

— Зачем вам это нужно? — спросил Михаил Петрович, заинтересовавшись его внимательным погружением в книгу.

— А вдруг свет отключат в деревне, надо же кому-то знать, как поправить.

Вспоминаю, как на очередном семинаре обсуждали рассказ Васи Головецкого, студента с Украины. Там описывалась трагическая ситуация, конечно, взятая из жизни. Мальчишки выкололи глаза котёнку, жившему в подвезде многоэтажки. Следовала фраза: «Котёнок мяукал и ждал помощи из непонятной темноты»...

Михаил Петрович прокомментировал, указывая на свою голову:

— Вот это имеет отношение к литературе, даже волос на голове зашевелился.

Он часто повторял, что в литературе

остаётся только то, что проходит через время. Лобанов имел в виду литературу, которая отображает саму жизнь средствами художественных образов.

Позже я понял Михаила Петровича и вывел для себя формулу. Труд писателя заключается в том, чтобы изображать живую ткань жизни. И чтобы жизнь, которую он изображает, становилась частью опыта другого человека. Без правды и художественности достичь этого невозможно.

В 1982 году в журнале «Волга» была опубликована статья писателя Лобанова «Освобождение», которая стала событием в литературной и общественной жизни страны.

Мы, студенты Литинститута, достали номер журнала и вслух читали в общежитии на Добролюбова.

Я был потрясён стилистикой автора, его причастностью к трагедии народа, которую он переживал как собственную.

Это было мужество человечности (так, кстати, называлась и его книга, вышедшая в 1969 году) — отождествиться со своим народом и высказать всю правду тогда, когда «народ безмолвствует». Я понимал, что критик Лобанов — русский человек, который отстаивает национальную честь и достоинство своим творчеством, своей жизнью, как воин на передовой.

Но статья имела большие последствия для Лобанова, потому что её прочитал генсек Андропов и отдал распоряжение председателю правления Союза писателей СССР Маркову «принять меры». Началась проработка автора (с соответствующим постановлением ЦК по этому же вопросу). Секретарь ЦК Зимянин провёл совещание с главами писательских союзов и поставил вопрос об идейных упущениях. В январе 1983 года состоялось заседание учёного совета Литературного института, который признал статью «Освобождение»

«неправильной и ошибочной». Руководители СП СССР и СП РСФСР в соответствии с указаниями генсека устроили судилище над Михаилом Лобановым и редколлегией журнала. «Славянофилы» Кожин, Семанов, Селезнёв поддержали писателя. Главный редактор «Волги» Николай Палькин был уволен.

Мне удалось достать тот номер журнала, и я иногда возвращался к статье. Мысли Михаила Петровича совпали с воспоминаниями моего отца о голоде в средней полосе России, через который ребёнком прошёл он со своей матерью Анастасией Сергеевной, моей бабушкой. И я решил написать повесть об этом времени, которая стала бы дипломной работой по окончании Литинститута. Я назвал её «Рождественские загары» и принёс на суд

руководителя творческого семинара. Михаилу Петровичу повесть понравилась, но на лице его выразилось сомнение, ведь Лобанов едва не подвергся репрессиям, вплоть до изгнания из института. Я всё понял по его взгляду.

— Я переделаю повесть или напишу другую.

— Да, не вовремя для меня вы написали эту повесть... — слегка смущённо, характерно сощурив глаза, произнёс Лобанов. — Напишите более невинную вещь, — добавил он.

Я сделал вариант «Рождественских загаров» и назвал его «Солнечный город», прибавил к этой «невинной» маленькой повести несколько рассказов, получив «отлично» за творческую дипломную работу.

А в середине 80-х я подвергся травле от КГБ. Михаил Петрович так писал об этом: «Были и другие истории с моими студентами, в которых отразились характерные особенности времени. Ещё одна судьба моего студента, связанная с КГБ. Было это уже в середине восьмидесятых годов, в начале перестройки.

В Литинститут из какой-то организации города Липецка поступила бумага, в которой сообщалось, что наш студент Геннадий Рязанцев прислуживает в церкви, прилагалась вырезка из областной газеты с разоблачительным фельетоном о нём. Вскоре в институт явился Рязанцев. Я решил поговорить с ним наедине, прежде чем состоится совместный разговор с ректором.

Меня интересовало главное — серьёзно ли он верит или тотчас же откажется при первом вопросе об этом? И когда я спросил его, он как-то растерялся, заговорил, что хочет писать повесть на церковную тему, поэтому ему необходимо знать, что делается в церкви, как проходит служба, поближе узнать священников. После того как наш разговор у ректора закончился и мы вдвоём выходили на улицу, он вдруг остановился, сильно взволнованный, с дрожью в голосе заговорил: «Михаил Петрович, я сказал неправду, что пришёл в церковь, чтобы писать повесть... я верующий».

Почему-то я почувствовал облегчение, услышав это: значит, дело очень серьёзное и человека надо спасать. А спасать было от чего. После фельетона на работе его травил, даже зная, что его пятилетний ребёнок с большим сердцем находится на волосок от смерти. Здесь надо заметить, что ребёнку пришли на помощь: я связался с писателем Иваном Дроздовым, другом и соавтором известного хирурга Углова, и Фёдор Григорьевич через знакомых врачей помог поместить маленького больного в лучшую клинику Москвы, где ему сделали очень сложную операцию, и он выздоровел.

А сам Рязанцев был спасён довольно необычным по тем временам образом. Ректором Литинститута был тогда Владимир Егоров. После наших совместных раздумий — что же делать? — Егоров решил обратиться за помощью к... КГБ. По его просьбе кто-то из сотрудников Комитета позвонил своему коллеге в Липецк, после чего прекратились и преследования Рязанцева, и шедшие оттуда в Литинститут требования «принять меры». Признаться, дабы доставить особое удовольствие липецким недругам моего студента, я постарался добиться, чтобы его дипломная работа была принята как отличная. Впоследствии я узнал, что Рязанцев был рукоположен в священники и служит в храме в Липецке».

Литература и жизнь были для Михаила Петровича тождественны. Он жил так, словно шла пропасть по пятам, поэтому его слово обладало властью.

О перестройке Лобанов, переживший войну, получивший ранение, говорил с грустью в голосе:

— Это будет страшнее революции, которая унесла огромное количество человеческих жизней. Эта перестройка унесёт несравнимо больше число людей.

И его слова оказались пророческими. Статистика показывает, в годы перестройки, в девяностые и нулевые Россия потеряла более пяти миллионов человек.

В поминаемой мною статье «Освобождение» мысль об отсутствии или недостатке глубины социальной, исторической, нравственной и, если хотите, метафизической, как распространённом заболевании современной литературы иллюстрируется романами С.Зальгина, в которых «вроде бы много всего: и истории, и актуальность, злободневных проблем, и всяких событий от Гражданской войны, коллективизации, различных общественных перипетий вплоть до какого-нибудь "южно-американского варианта" — но всё это, в сущности, не что иное, как беллетризованная литературная полемика <...> Это, вероятно, и нужно, но маловато для искусства, нет в этих романах того, что делало бы их в чём-то открытием, — нет живого, непосредственного опыта (заменяемого умозрительными конструкциями), нет того психологического переживания, из которого и исходят жизненные токи в произведении».

В этом понимании литературы и жизни весь Михаил Лобанов.

В книге «В сражении и любви» я обнаружил молитву, составленную Михаилом Петровичем. Вот она:

«Господи, нет предела милосердию Твоему! Ты сохранил мне жизнь на войне, в болезни, дал мне долголетие, и чем я ответил Тебе? Ты знаешь все мои грехи и сохраняешь милость Твою ко мне. Прости мне слабость мою и греховность. Ты же знаешь, как я верую, что если есть во мне что-то доброе, способное к добру, то это не моё, а Ты дал мне, как и те неиссякаемые дары благодати, которые к великому милосердию Твоему проливаются на нас, на Твои, Господи, творения».

Воистину, «от избытка сердца уста глаголют» (Матфея 12:34). Так высказалась молитва покаяния и благодарности из глубин сердца ныне покойного раба Божьего Михаила, дорогого Михаила Петровича Лобанова, учителя жизни и духовного наставника. И я высказал «приметы памяти сердечной» в память праведного воина, «на передовой» сражавшегося за души человеческие. «В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится» (Псалом 111).

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН,
лауреат Всероссийской
литературной премии
Александра Невского,
протоиерей Русской
православной церкви